

ПЕРВАЯ
КАРТИНА

•

ВОЛШЕБНЫЙ
МИР

ИНТЕРЛЮДИЯ

Единый Предвечный Источник Жизни есть всему отец и всему мать. Он образ и мелодия, строитель и нерушимая основа миров. Он искра, породившая пламя, и пища для развития живой души.

Нижние пласты демонических миров, срединные и божественные царства омываются изначальными водами Единого Источника, как древо наполняется соками от корней и до самой кроны. Любое явление, каждое существо пропитано этой силой, лишь в разном ее качестве.

Словно родительский взор, полный любви к своему детищу, ласкают изначальные воды все то, что покрывают собой, что наполняют и частью чего являются Сами.

Однако в бесконечной жажде расширения появились вселенные столь далекие от Источника, что

даже любящий взгляд Его был не в силах достичь их.
Что же души, воплощенные в этих мирах?

Они подобны растениям, заброшенным в бес-
крайние пески и вечную ночь. Здесь каждое живое
создание вынуждено искать для себя пищу либо по-
гибнуть. И, найдя эту пищу, оно видоизменяется под
стать ей...

ПРОЛОГ. ХОД КОРОЛЕВЫ

Облака за высокими окнами замка налились болезненной чернотой. По небу пробежали алые отблески. Загрохотало. Опалив пики гор, закатные краски отразились в бледно-зеленых глазах женщины. Сидящая за письменным столом, она замерла, будто замороженная, глядя на бушующую стихию.

На одно драгоценное мгновение женщина позволила себе погрузиться в прошлое: вспомнить то время, когда магия, что теперь сотрясала сферу их мира, служила созиданию. На самую крохотную долю мига ей представился лес, где трава была нежнее шелка, поляна, поросшая синими васильками и красными маками, а посреди поляны — большой бревенчатый дом. Их дом, где они так любили друг друга.

Но прошлое осталось в прошлом. А будущее, далекое будущее, приближалось с неотвратимой бы-

стротой. Приведенное в действие заклятие набирало силу. Следовало поторопиться и чародейке.

Время — слишком старый зверь, чтобы любить шалости. Оно не станет ждать — привычно сомкнет невидимые челюсти. И как знать, по какую сторону окажется замешкавшийся игрок: здесь, там или... по-середине, разорванный клыками? В библиотеке, стоящей у перекрестка миров, были возможны любые варианты, в том числе и те, которые нельзя себе даже представить.

— В недоброе время ты покидаешь нас, Джива... — донесся с порога библиотеки тихий мужской голос.

— Время не бывает добрым или злым, — не оборачиваясь, ответила девушка.

— Я слышал, вопреки нашим традициям и закону Совет все же дал тебе разрешение уйти, — напряженно вымолвил незванный гость. — Но я прошу, подумай еще раз... Твои эксперименты со временем слишком опасны и, как знать, не безнадежны ли? Ты нужна здесь... Ты нужна мне... Опомнись, пока не поздно, хранительница!

— Поздно, уже поздно, — грустно улыбнулась Джива. — В этом мире мне нечего хранить... Я отрекаюсь от своего предназначения, от традиций и закона ради более важной задачи. Отныне мой долг — исследовать.

Голос мужчины, некогда такой родной, уже не волновал ее сердце, как это было раньше. Но, когда исследовательница взглянула на картину, которая ви-

села над письменным столом, в груди у нее защемило. Сколько счастья им было дано... когда-то.

Ее родители, изображенные на портрете, улыбались. У женщины волосы были цвета ночной синевы; у мужчины — белые, точно снег; а у трех дочерей, которых любовно обнимали мать и отец, переливались белым, рыжим и золотым огнем.

— Мы не пустили Врага в этот мир, но его появление стало важным знаком, — добавила исследовательница. — Я предвижу, что бой с ним не закончен...

Мужчина приблизился к ней, сжав кулаки.

— Моя королева Джива — горда и непреклонна, как всегда, — с неприкрытой горечью бросил он. — Я изучил исследования, которые ты предоставила Совету хранителей. Это лишь предположения. Обрывки текстов, что вы с Белой отыскиали, — пустые слова...

— Пустые слова о Творце, об Источнике Силы, найденные в мире, не помнящем даже о богах — это чудо, — тихо ответила Джива. — Душа, написавшая их, может знать и другие ответы.

— Это просто буквы на бумаге! — разозлился мужчина. — И все же ты отрекаешься от предназначения, данного тебе по рождению! Ради чего? Чтобы исследовать один из умирающих миров и его жалкое население — людей?

— «Они подобны растениям, заброшенным в бескрайние пески и вечную ночь, — ответила королева словами из найденной рукописи. — Здесь каждое живое создание вынуждено искать для себя пищу либо

погибнуть. И, найдя эту пищу, оно видоизменяется под стать ей... Ни старшие и ни средние расы, ни устрашающие демоны, ни даже всемогущие боги не могут выжить вдали от Единого Источника, — повторила она заученные наизусть слова. — В этой бесплодной пустыне способны существовать лишь люди». Неужели тебе неинтересно, почему?..

— «Не слыша мелодии Единого Источника, люди замкнулись в узких границах своего восприятия, — зло процитировал в ответ мужчина. — Они стали способны к изучению лишь материальной грани бытия. Не ведая истинной любви, они превознесли свой разум как наивысшую ценность! Не зная богов и других форм жизни, они возомнили себя венцом эволюции, а свои первичные потребности поставили во главу, — он понизил голос. — Гордыня, рожденная видовым и чувственным однообразием, поразила их души самой опасной болезнью из всех. И проклятие смерти пронеслось по планете, подобно буре».

— «Но среди бесплодных песков порой рождаются цветы дивной красоты — необычайные личности! — парировала Джива. — Чем ближе их сфера подходила к гибельному порогу, тем реже расцветали они, но тем ярче проявлялся их дар...»

— И какой тебе прок от их дара? — прорычал мужчина. — Ради чего ты готова покинуть свой дом, своих родных и прервать род хранителей, наш род?

При этих словах женщина резко обернулась, взглянув в лицо собеседника. Его глаза, как и ее, полыхали бледным зеленым огнем. Глаза — вот и все, что

осталось от прежнего облика. Звериная гримаса иска-
зила его некогда красивые черты лица.

— Наш род, — повторила Джива. — Наш род
уже прерван. Та душа, что дала мне жизнь и должна
была стать моей дочерью, покинула нашу вселенную...
Она и многие другие дети нашего мира пропали или
ушли в поисках ответов. И я, — в ее негромком голо-
се сквозила холодная ярость, — не имея возможности
продолжить наш род, продолжу их дело. Я использую
силу их дара, найду оружие против Врага! — Повисла
напряженная тишина. — Разговор окончен. Прощай...
мой король Зарон.

Не дожидаясь ответа и более не обращая внима-
ния на супруга, Джива вернулась к тексту, в «пустых
словах» которого нашла единственную надежду.

Зарон исчез, не сказав ни слова. Его грозное вол-
шебство вновь сотрясло и небеса, и твердь земную.
На этот раз гроыхнуло так близко, что стены би-
блиотеки дрогнули. Если бы не древесные корни, гу-
стой сетью опутавшие замок снаружи, он мог бы, по-
жалуй, и вовсе рассыпаться.

От удара жалобно звякнули стрелки напольных
часов. Их маятник закачался из стороны в сторону,
будто желая ускорить и без того неотвратимый ход
времени. Несколько свитков, подпрыгнув, упали со
стола на пол. Джива нагнулась, чтобы поднять руко-
писи, попутно пробежав по ним глазами.

*«Люди... Что же питает их дух и поддерживает
силы? Что зажигает огонь в их сердцах и вдохновля-
ет умы? Каково предназначение человека в великом*

замысле Создателя? И могут ли ответы на эти вопросы помочь в борьбе с нашим общим Врагом?»

Бывшая хранительница отложила свитки, оставив в руках один. Его она утаила от Совета. Если бы ее братья и сестры узнали о судьбе, что постигла автора рукописей, они никогда бы не позволили ей уйти следом за ним.

«По той же причине, что боги и демоны не способны выжить в пустынных, лишенных силы вселенных, закрыты их двери и для нас, — было начертано на нем неровным торопливым почерком. — Лишь один из миров пустил нас внутрь. Почему именно он? Нам уже не узнать. Здесь нет неба... Здесь нет солнца...»

Джива поднесла бумагу к свече, а когда пламя охватило звенящие отчаянием строки, небрежно бросила догорать на каменные плиты пола.

Ее предшественники допустили ошибку, следуя прямым путем. Но была и иная дорога. Сокрытая даже от тех, чьим крыльям подвластны туманы междумирий. Она оказалась доступна любому созданию, которое способно мыслить. *И мечтать.*

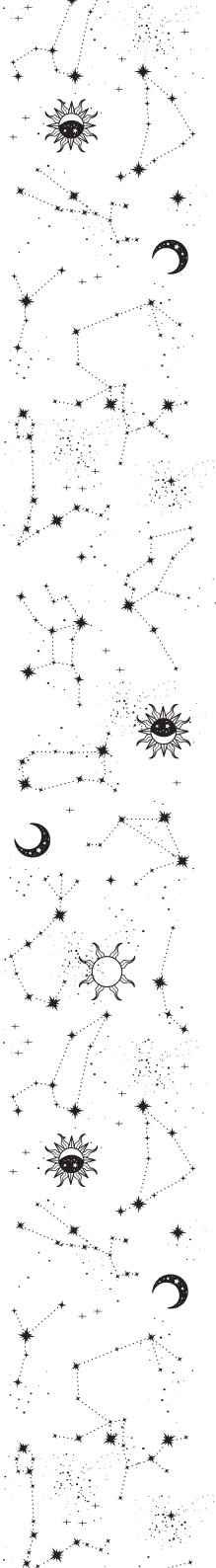
Королева Джива нашла этот путь. И первая ступившая на него помощница Белая уже ждала на другом конце. Теперь если они не сумеют использовать дар людей, то хотя бы помогут вернуться исследователям. Пусть для этого и придется пожертвовать собой.

1. ПОСЛЕДНИЙ ЕДИНОРОГ

Случается, что единороги меняют окрас с жемчужно-белого на пепельно-черный. Проявляется он как седина у людей: кто-то седеет постепенно, другой — внезапно и скоротечно.

Однако имеется в этом явлении один пренеприятный момент: черные единороги представляют собой смертельную угрозу. Держаться от этих зверей нужно как можно дальше всем без исключения, будь то невинная дева, рыцарь без страха и упрека или случайный путник.

Век единорогов так долог, что ходят легенды, будто сами собой они умереть не способны, но погибают от ужасающего страдания — такого сильного горя, в котором любое создание Единого не может поддерживать в себе силы жизни. Вместо животворящего света обреченный единорог начинает излучать силу смерти, заражая этой страшной хворью и все вокруг.

Если таковое явление происходит в плодородной долине, она мгновенно превращается в пустыню, озера — в болота, леса загнивают на корню, животные засыпают вечным сном.

Человек храбрый и благородный может противостоять проклятию черного единорога, но лишь непродолжительное время. И это время настоятельно рекомендуют использовать для того, чтобы покончить с мучениями несчастного зверя. Во-первых, из сострадания. Во-вторых, рог единорога чрезвычайно ценится магами, чародеями и колдунами.

Профессор Клифф'Арх,
«История редких животных»

«В оин в белом плаще устало упал на колени. Верный меч не подвел его в бою, и прочные латы защитили от рокового удара. Рыцарь без страха и упрека, к которому приблизился черный единорог, остался жив. Он был жив, а все вокруг — мертво.

Глядя на простирающиеся до горизонта опустелые земли, воин вспоминал свои родные края. Где-то там, в стране за горами и долами, уже набухали почки и просыпались ручьи, наполняя теплый ветер ароматом весны. Где-то там, но только не здесь — под серым небом проклятого королевства.

В сумраке туманов виднелись зачахшие деревья, что когда-то были густыми лесами. Остатки строений

на месте великих городов топорщились, словно гнилые зубы.

Рыцарь безвольно коснулся ладонью груди, где он носил защитный знак: монетку с круглым отверстием по центру. Амулет, подаренный его возлюбленной девой, помог в неравном бою. Герой одержал победу над обезумевшим зверем, что нес погибель всем и каждому.

А вместе с тем, как единорога покинула жизнь, исчезло и его проклятие смерти. И хотя на иссохших деревьях уже никогда не появится листва, отныне здесь поселится надежда. Всесильное время излечит эти земли. Но способно ли время излечить *душу*?

Рыцарь застыл на коленях, прижимая руку к груди и глядя на поверженного врага. Он смотрел, как мухи кружатся над мертвым единорогом, ползают по его поблекшей шерсти, забираются в ноздри и остекленевшие глаза.

Отныне мухи стали символом надежды. А последний единорог погиб».

Девочка лет тринадцати грустно вздохнула и поставила точку в своих записях. Ее взгляд упал на мертвую собаку, лежащую неподалеку в темном переулке. Морда животного была прикрыта тряпкой, живот впал, шерсть на хвосте стала тусклой. Псина была гораздо крупнее, чем те, которых выращивали в питомниках. Неужели это свободная дворняга? Настоящее чудо!

Бродячих собак, а также кошек, крыс, птиц и бездомных людей этот город не видел уже сотни лет.

И лишь от мух все никак не удавалось избавиться даже в самом сердце человеческой цивилизации. Насекомые кружились, жужжали и танцевали над трупом, как им только вздумается.

Задний двор интерната, куда девочка иногда сбегала, не отличался чистотой. Он был плотно окружен лесом из многоэтажных башен. Здания отражались в зеркальном куполе неба, что не знало ни дня, ни ночи, создавая мнимую бесконечность. Но, несмотря на гущу домов, город выглядел почти вымершим.

Лет сто назад, когда людей рождалось много, было решено, что массовое скопление горожан неблагоприятно влияет на их здоровье. Тогда ученые рассчитали необходимые размеры личного пространства, а инженеры создали конструкции невероятной высоты. Однако запланированного роста рождаемости не случилось, и вскоре верхние этажи башен опустели.

Сегодня на улице было тихо. Только искусственный ветерок шелестел пластиковыми обертками и бутылками, гоняя их по узким переулкам. Вскоре он сменил направление, и, уловив неприятный запах, идущий от падали, девочка поспешно встала. Спрятав в карманах свои драгоценные сокровища — блокнот и карандаш с радужным ластиком на конце, — она забралась обратно в окно интерната.

Если снаружи повсюду валялся мусор, то внутри здания царила чистота и пахло цветами. Зеркальные окна отражали ухоженные внутренние помещения, улыбчивые лица учителей, воспитанников и врачей.

Это был необычный интернат. Его воспитанники не только жили и учились здесь, но и проходили лечение.

Девочка незамеченной пробралась в подсобное помещение, в котором она устроила тайник. Уборщики запирали дверь на замок, но ключами заведовали не только они.

— Опаздываешь, — с укором произнес охранник, мужчина высокий и статный, словно рыцарь из сказки. — По расписанию у тебя занятие физкультурой.

— Спасибо, что прикрываешь, Дружовский, — поблагодарила девочка.

Она сняла с себя верхнюю одежду и, аккуратно сложив, спрятала ее в шкаф с противопожарным оборудованием.

— Друговский я, — поправил охранник.

— Это ты для остальных «другой», а для меня ты «друг», — важно заявила девочка.

Мужчина смущенно улыбнулся и попытался почесать затылок, но темные волосы были надежно схвачены гелем.

— Будь осторожнее, главная медсестра за тобой наблюдает, — предупредил он, а затем добавил уже тише: — Дженн... Не забудь, ты обещала мне... ну, роль в своей сказке, помнишь?

— Я уже написала, о мой герой без страха и упрека, — весело сообщила ему девочка.

Она никогда не смеялась, а улыбалась крайне редко. Но, услышав имя «Дженн», так и засияла от радости. Об этом придуманном имени и ее сказке знал

только Друговский. Он был, пожалуй, единственным другом Василисы в целом мире.

В спортивном зале было малоллюдно: у большинства детей к занятиям имелись противопоказания по здоровью. Только два мальчика и сам учитель тихо общались, сидя на ковриках в дальнем конце помещения.

Несколько устаревших тренажеров и снарядов, гири и штанги стояли вдоль стен — каждый строго на своем месте. Девочка неторопливо размялась и взяла со стойки спортивную саблю. Заметив свою лучшую ученицу, пожилой инструктор оставил разговоры и пошел надевать защитный костюм.

Очень редко его воспитанники интересовались такими устаревшими дисциплинами, как фехтование, и успехи девочки не могли не радовать пожилого учителя. Этот вид спорта не зря остался среди допустимых дисциплин. Когда-то фехтование называли «быстрыми шахматами». Оно было полезно — как для развития силы и реакции тела, так и для мышления и логики.

Инструктор знал Василису уже несколько лет — с тех самых пор, когда ее поместили в клинику-интернат. Сейчас она была тихой, застенчивой, а порой и весьма милой, но в тот день рычала, кусалась и царапалась, словно бешеная. Подобных случаев в своей практике тренер никогда не встречал. Чаше всего дети испытывали сложности с обучением или в общении друг с другом.

Какие могут быть причины для болезней в идеально продуманном обществе? Повод для расстройства мог выдумать разве что несформированный мозг ребенка. Именно поэтому детям ни в коем случае нельзя было знать о том, каким был этот мир, когда деревья росли прямо из земли, а в озерах, морях и реках можно было купаться.

Любые носители информации о тех временах уничтожались. Где девочке удалось найти книги со сказками, неизвестно. Как пояснили ее родители, их-то она и начиталась.

В сказках помимо абсурдных сюжетов о любви и приключениях описывались также безопасное солнце, голубое небо и свежий ветер, которых уже давно не существовало. Ясно, почему психика ребенка дала сбой.

ДЖЕННА

2. ДАВНЫМ-ДАВНО

— **В**аська, спой нам! — кричали дети.
— Пой! Пой!

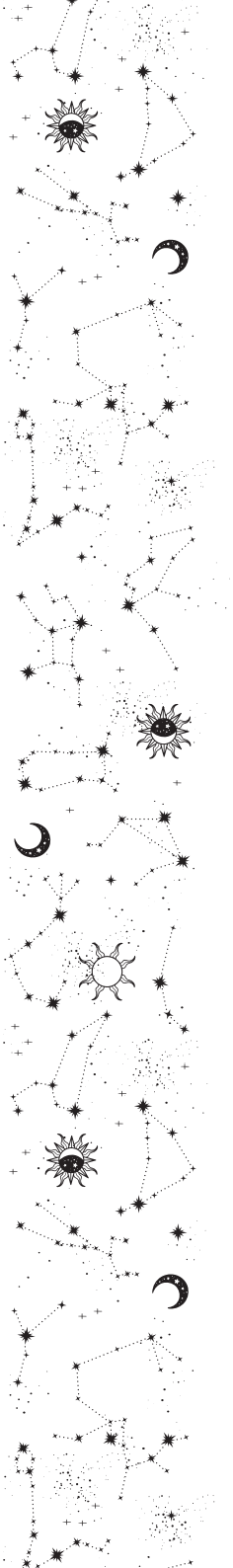
Аккуратно причесанные, одетые в чистые костюмчики, они толпились у помоек позади школы. Уборщики здесь появлялись строго по расписанию, и в распоряжении у детей было достаточно времени на то, что им запрещалось делать в учебном заведении. Они бегали, кричали и играли в свои особенные детские игры.

— Ты, эта... пятерышница! — хохотали мальчишки.

Один из них, высокий, худой, с большим ртом и выпученными глазами, выйдя вперед, растормошил светлые волосы «пятерышницы». Девочка отпрянула, в ее глазах блеснули слезы.

— Вот теперь ты похожа на одну из этих, — заявил мальчик, — из тех, что продают свои песни.

— И еще кое-что продают, — ехидно добавила какая-то старшеклассница.

— Но нам ты споешь бесплатно! — крикнул другой школьник.

— Пой! Пой! — подхватил детский хор.

— Отпустите меня, — взмолилась Василиса. — Пожалуйста, отпустите...

— Пой! Пой! — голосили дети, все плотнее обступая девочку.

— Пой, Васька! — кричал мальчик с большим ртом.

— Пой! — вопили дети.

— Пустите меня!

— Пой, Васька! Пой!

— Нет!

— Пой! Пой!

И девочка закричала. Она закрыла глаза, стиснула кулачки и завизжала так громко, что у нее самой заложило уши.

Толпа детей загоготала и рассыпалась. Довольные тем, что добились желаемого, они отправились по своим классам. А растрепанная и заплаканная Василиса до конца уроков отсиживалась в пыльном углу под лестницей. С последним звонком она самой первой выбегала из школы, но шла не домой, а в свое секретное убежище.

Родители девочки возвращались с работы поздно. Им незачем было следить за дочкой-отличницей. Никто не заставлял Василису делать уроки или общаться со сверстниками. И однажды, гуляя в одиночестве по одному из опустелых районов города, она нашла хранилище бумажных книг — самую настоящую библиотеку.

Старое здание пряталось за брошенной стройкой и было частично переделано под свалку для производственных отходов. Невзирая на опасности, любопытная Василиса сумела найти лазейку и пробралась в хранилище. Внутри целые этажи, коридоры и комнаты были усыпаны листами с текстами и картинками. Журналы, газеты, карты, измятые и порванные, таинственно шуршали под ногами ковром из пыли и клочков бумаги.

Кое-где в библиотеке сохранились деревянная мебель, покрытая морщинками растрескавшегося лака, и светильники с абажурами из разноцветных стеклышек. В одной из верхних комнат нашлись даже старинные напольные часы с циферблатом и маятником. После нескольких попыток Василисе удалось завести механизм, и ее тайное царство наполнилось волшебной музыкой.

Слушая тихое уверенное тиканье часов, девочка с упоением читала книги о ведьмах и рыцарях, о феях и крокодилах, о пиратах и даже о кенгуру. Но одной из ее любимых сказок стала история о принцессе и драконе.

Принцесса была так прекрасна, что не могла и шагу ступить без своей охраны. Она ни разу не выходила за пределы замка, поэтому ничего не знала, не умела, да к тому же была страшно капризной и вздорной. И все же, когда пришло время, очередь из женихов к ней выстроилась от соседнего королевства! Да только суженых принцесса так и не увидела, потому что в одно прекрасное утро ее похитил дракон...

Что произошло дальше — неизвестно: страниц в этой книге, как и во многих других, недоставало. Однако Василисе хватало и собственного ума, чтобы понять, как повезло принцессе сбежать из замка!

Сквозь мутный пластик окон она с грустью смотрела на пустые улицы и осиротевшие башни многоэтажных домов, оплетенные черными нитями проводов и похожие одна на другую. Девочка воображала, будто бы это башни замков, увитые зеленью, а по дорогам бродят диковинные существа, свободно гуляют кошки и собаки.

И глубоко в душе она мечтала однажды увидеть в настоящем синем небе настоящего живого дракона... Конечно же, Василиса не считала себя такой же красивой, как принцесса. Пусть дракон прилетит за кем-то другим, а она просто посмотрит на него!

Но потом девочка нашла другую сказку и поняла, что принцессы бывают разными. А некоторые из них даже могут стать самыми настоящими героями!

Книга стояла на нижней полке одного из завалившихся набок стеллажей и словно дожидалась своего часа. «Королева-воительница Дженна» — гласил заголовок над иллюстрацией.

По-видимому, на картинке была изображена главная героиня романа. Но все, что от нее осталось, — это женская фигура в вытертых доспехах на фоне поблекшего пейзажа. Верхняя часть обложки с именем автора, лицом королевы и воздетым к небу оружием была кем-то отгрызена. По крайней мере, так решила Василиса.

Не хватало в книге и доброй части последних страниц, однако так было даже лучше. Ну кому нужен конец истории, если она хороша?

Девочка много раз перечитывала приключения королевы-воительницы. Мир, окружавший героиню, был полон тайн и загадок. Василиса могла лишь примерно представить себе, что такое опушка леса, горы и доли, полнолуние и ночь, эльфы и сиды.

Девочка читала, и в ее воображении стройные фигуры в развевающихся белых одеждах кружились вокруг пылающих костров. Чарующие девы и юноши — вечно юные дети леса — пели о красоте своего мира. Этот мир с его чудесами, танцами и песнями защищала королева-воительница Дженна.

Читая про ее приключения, девочка, разумеется, представляла себя главной героиней. С тех пор она звала себя Дженной и никак иначе, словно была уверена, что неизвестный автор написал книгу именно о ней.

Под тиканье старинных часов маленькая «Дженна» изучала и другие книги. Ей попадались страницы из энциклопедий, в которых рассказывалось о грибах и ягодах, чем ель отличается от сосны, почему вода и небо были голубыми — и еще много-много всего интересного! В школе этого не проходили; там даже простые разговоры о старом мире были запрещены.

Ко всему прочему, в библиотеке девочка могла петь. Новые песни она не очень любила и чаще напевала старые, найденные в книгах. Мелодии к ним девочка сочиняла сама. И как она пела! Ни у кого

в ее классе не было такого прекрасного голоса. Уроки музыки в школе допускались в общеобразовательных целях, но усердствовать на них считалось неприличным.

Учителя часто говорили, что изобразительством, сочинительством, пением и танцами занимаются самые бесполезные члены общества — артисты, которые плохо решают уравнения и годятся только для того, чтобы развлекать людей. Некоторые школьники с удовольствием повторяли эти слова, издеваясь над маленькой Василисой...

Но слезы и обиды оставались в школе, а по вечерам девочка возвращалась домой настоящим героем, сильной и смелой королевой-воительницей. Проскользнув в свою комнату, Дженна принималась за создание собственных сказок. По ее замыслу, каждая новая история дополняла сборник рассказов из старинной библиотеки.

Но однажды родители обнаружили тайное увлечение дочери, и тогда случилась беда. Больше уже не было ни глупых одноклассников, ни любимых уроков пения, ни драгоценной свалки макулатуры. Все, что осталось девочке, — это слабость, уколы и капельницы, белые стены, люди в белых одеждах и сладкий цветочный запах ароматизаторов.

Когда Василиса наконец поднялась с кровати, ей сообщили, что родителей она больше не увидит, а ее домом стала клиника-интернат. С тех самых пор жизнь девочки переменилась, подчиненная общему ритму и строгим правилам.

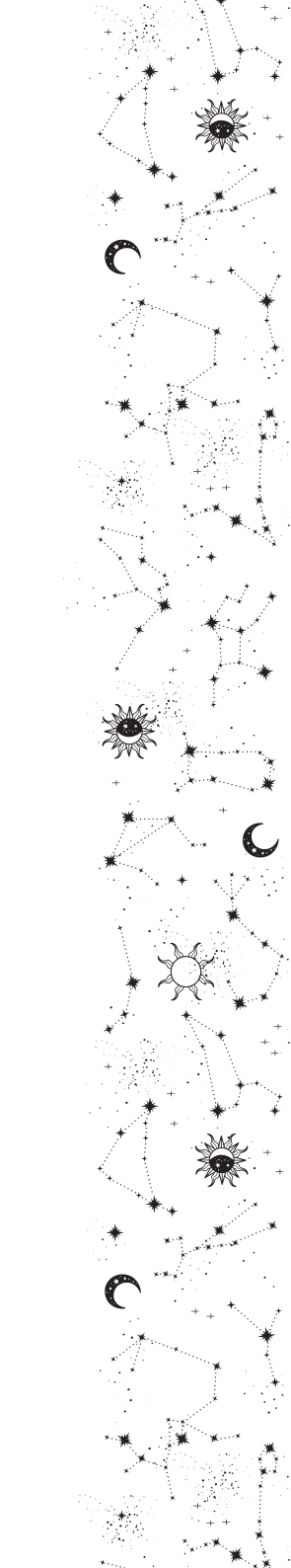

Возможно, Василиса зачахла бы от тоски, если бы не уроки физкультуры. Имелась в интернате и своя библиотека — разумеется, с безопасной и одобренной литературой, — где можно было проводить свободное от учебы и обязанностей время. С головой уходя в чтение, девочка забывала обо всех печалях.

Но вот в один прекрасный день произошло настоящее чудо! Опустив руку в карман своего халата, Василиса обнаружила блокнот и карандаш с радужным ластиком на конце. В душе девочки вновь забрезжила надежда на лучшее. Она принялась писать свои истории воодушевленное, чем когда бы то ни было.

И королева Дженна продолжила приключения.

3. ДОГОВОР

Это был самый обыкновенный день. На обед подали белковое пюре, как было сказано в меню — со вкусом овощей и мяса, фруктовую воду и сладкую конфету. Дети сидели за длинными столами, вежливо разговаривая друг с другом. Как и во всем здании, здесь царил белизна. Только потолки в столовой были покрашены в голубой цвет, а спинки стульев — в оранжевый. Считалось, что это способствует улучшению аппетита.

У Дженны аппетит был отличный! Она спешила проглотить пюре и поскорее убраться из общественной столовой. Учителя и медсестры иногда подсаживались к ней, чтобы пообщаться, вызнать о ее самочувствии и настроении.

— Как твои дела, Василиса? — вдруг раздался над головой девочки женский голос.

Это была высокая худощавая женщина с гордой осанкой и тяжелым взглядом

главнокомандующего отделения медсестер. Та самая старшая медсестра, о которой девочку предупреждал Друговский, — поборница дисциплины и обладательница вызывающе алых волос, неизменно завязанных на затылке в объемный пучок.

— У меня все хорошо, — вежливо ответила Дженна, отводя взгляд.

Бледно-голубые глаза женщины вызывали у нее неприятные ассоциации с медицинским сканером.

— Слышала, ты много читаешь, — улыбнулась своими тонкими красными губами медсестра Белова. — Учебники по медицине — хороший выбор. Хочешь стать врачом?

— Хирургом, — со злости буркнула девочка первое, что пришло ей в голову.

— Вот как, — одобрительно кивнула женщина. — Чтобы помогать самым безнадежным больным?

— Мне интересно внутреннее строение человека. — Дженна заставила себя улыбнуться.

Медсестра присела на стул, внимательно наблюдая, как девочка доедает десерт и неловко вытирает сладкие пальцы о салфетку.

— Сегодня у тебя короткий учебный день, — внезапно сменила тему Белова. — Хочу предложить тебе прогуляться, — она понизила голос, — наверх.

Дженна онемела от страха. Подниматься на верхние этажи строго запрещалось! Среди детей ходили страшилки, будто бы там *ликвидируют* «неизлечимых»: как их тела, так и личности стирают из памяти даже близких и знакомых людей. Преждевременная

смерть одного индивидуума не должна пугать или расстраивать остальных. Как именно это происходило, никто не знал. А поскольку пациент исчезал из памяти, все это были только слухи.

— Если ты закончила обедать, идем, — не терпящим возражений голосом сказала медсестра Белова. — Время не ждет...

Девочка и женщина молча встали из-за стола и направились к выходу. Они долго шли по лестницам, поднимаясь все выше. Проходили вдоль длинных серых коридоров, единственным украшением которых были закрытые двери с одной стороны и большие окна — с другой. На средних этажах, где жили воспитатели, учителя и врачи, пластик окон был прозрачным, так что можно было увидеть город. Башни небоскребов отражались от куполообразного неба. Улицы делили землю бороздами линий и углов.

Дженна глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Самые верхние этажи, куда вела ее старшая медсестра, были заброшены; если ей и предстоит быть ликвидированной, она еще сможет сбежать. Однако, когда они оказались на очередной лестнице, медсестра взяла девочку за руку.

— Нам еще выше? Зачем? — испугалась та, не в силах бороться с тонкими пальцами женщины, которая влекла ее за собой.

— Терпение, — коротко ответила Белова.

Она отперла дверь, ведущую на запретную территорию, и протолкнула Дженну вперед себя.

— Но сюда нельзя! — крикнула девочка. — Вы не имеете права! С детьми так нельзя!

— Не надрывай горло, дурочка, побереги свое тело, — скривила губы Белова.

— Вы думаете, что никто не будет меня искать? — настаивала Дженна. — Думаете, у меня нет друзей? Вы ошибаетесь! У меня есть друг...

В ответ медсестра лишь беззвучно рассмеялась.

Они прошли по коридору и, войдя в одну из пустых комнат, остановились. Цепкие пальцы медсестры разжались, выпуская девочку на свободу. Дженна рванулась обратно к выходу, но Белова преградила ей путь и, мягко развернув, оттолкнула назад.

— Ты так много читаешь — и все равно слишком глупа, — раздраженно бросила старшая медсестра. — Но на глупости и сказки больше нет времени! Тебе необходимо кое-что узнать о реальности, увидеть истинную картину мира...

Девочка замерла, прислонясь спиной к стене и судорожно размышляя над словами Беловой. Тем временем женщина извлекла из своей сумочки блокнот и карандаш с радужным ластиком. Глаза Дженны расширились.

— Ну? — проговорила медсестра, вопросительно изогнув бровь. — Что скажешь на это? Откуда они у тебя, как думаешь?

Девочка не проронила ни звука, шумно вбирая носом пыльный воздух.

— Правильно, — кивнула женщина. — Как я уже и говорила: ты слишком глупа.

— Я нашла их в... — Дженна сжала кулаки и загнулась.

Ее губы и подбородок предательски задрожали, слезы покатились из глаз.

— И? — поторопила медсестра.

— Это вы подложили их? — наконец смогла выговорить девочка.

— Слава богам, ты не безнадежна, — одобрительно кивнула Белова. — Да, я подарила тебе блокнот и карандаш, — сказала она, сделав шаг навстречу. — Я позволила тебе играть с саблей и даже безнаказанно убегать из интерната на прогулки, — говорила она, медленно приближаясь. — Это я позволила тебе беспрепятственно наслаждаться своим даром сочинительства! — Она самодовольно усмехнулась. — Но у всего есть цена. И теперь я задам тебе один очень важный вопрос. Он удивит тебя, моя дорогая, моя милая Дженна...

У девочки перехватило дыхание. Откуда Беловой было известно ее сокровенное имя?! Книга о королеве так и осталась стоять в библиотеке, а сама Василиса никогда не писала это имя в сказках, пряча главную героиню за другими прозвищами. И это имя знал лишь Друговский — ее единственный друг... Ах, но друг ли?

Дженна в отчаянии рванулась к двери, но женщина поймала ее и грубо швырнула обратно. Девочка упала, неловко подвернув ногу, вскрикнула и теперь уже расплакалась навзрыд.

— Да ты крикса¹ неразумная! — в сердцах воскликнула медсестра.

Незнакомое выражение прозвучало так странно и смешно, что Дженна вмиг позабыла свое горе. Откуда Белова вообще взяла это слово? И до того... Она упомянула богов? Неужели она тоже читала запрещенные книги?

— Кто такая крикса? — переспросила девочка, шмыгая носом и удивленно хлопая мокрыми ресницами.

Женщина вздохнула:

— Успокойся, и, может статься, у тебя еще будет возможность узнать ответ...

— Так вы не убьете меня? — удивилась Дженна.

Белова отвернулась от нее. Она вздохнула, а затем рассмеялась и снова посмотрела на свою несообразительную пациентку.

— Ты готова умереть? И только-то?

— Я готова к смерти, но не к ликвидации! — гордо произнесла Дженна давно заученную установку.

— А если я предложу тебе побег? — неожиданно спросила Белова.

Девочка затихла. Побег, теперь такой реальный, почему-то оказался не менее устрашающим, чем смерть.

— Я не верю вам, уважаемая Белова, — все, что смогла пролепетать девочка.

¹ Крикса — мифическое ночное создание, заставляющее детей плакать.

— И не поверишь! — рассмеялась медсестра. — Не поверишь, даже согласившись и оказавшись на свободе, ибо все это несколько выше твоего ограниченного человеческого понимания.

— Хорошо, — кивнула Дженна. — Допустим, вы не медсестра. Может быть, вы и не Белова?

Женщина перестала улыбаться. Взглянув в глаза девочке, она подняла руку и одним быстрым движением извлекла из своей прически изящную шпильку. Волосы алыми волнами рассыпались по груди и плечам медсестры. Они были такими длинными, что доставали до самых бедер. Даже у артисток не было таких красивых, блестящих и ярких волос!

— Вы ведьма, что ли? — несмело произнесла девочка, холодея от собственной догадки. Неужели такое можно было сказать вслух?

— Да, — внезапно ответила Белова. — И нет. — Она опустила на колени рядом с девочкой, не жалея своего стерильно-белого платья. — Все же я медсестра. Чародейка и медсестра.

Дженна не сумела сдержать смеха.

— Твое сознание не в силах увидеть истинную природу вещей, — спокойно продолжила ведьма. — Я и Белова, и нет. Ведьма, как ты изволила выразиться, и медсестра. Мы... перемешаны.

— Это еще как? — испуганно спросила Дженна, прекратив смеяться. — Перемешаны?

— Так же, как и ты, крошка моя, — улыбнулась ведьма-медсестра. — Ты, — она ткнула тонким пальцем ей в грудь, — уже перемешиваешься с Дженной.

— Не понимаю...

— Ты живешь двойной жизнью, — объяснила Белова. — В других сферах подобных тебе людей немало. Они путешествуют в своем воображении, пишут книги, стихи, песни, картины... Однако ваш мир не поощряет подобных затей. В нем нет места тем, кто желает создавать свои маленькие миры и играть другие роли. В нем нет на это силы. Ваш мир — как дряхлый старик, которому невмочь подняться с кресла.

— Что такое сфера? — переспросила Дженна, потряхнув головой. — Есть другие миры? Наш мир — это, что ли, не *ваш* мир?

— И да, и нет, — таинственно улыбнулась красноволосая. — Сфера — это планета, и часть планеты... Сферы есть у людей и животных.

— Я запуталась, — буркнула девочка. — Вы медсестра и ведьма, допустим. Ну а я? Чем мне грозит это ваше «перемешивание»?

— Смертью, — усмехнулась Белова. — Ты, моя голубка, не выживешь вне стен интерната. И не потому, что тебя ликвидируют, о нет. Ты сама себя ликвидируешь. И притом уже очень скоро. То, что ты ощущаешь сейчас, — вся эта злоба, обида, одиночество и тоска, — многократно усилится. Твоя тонкая сфера, твоя *душа* не выдержит этой боли...

Дженна не спешила с ответом. Честно говоря, подобные мысли приходили ей в голову. Но она выбивала их звоном сабли, чтением книг. А лучше всего ей помогало писательство.

— Так вот, — продолжила ведьма. — Я предлагаю тебе просто уйти.

— Уйти? Но как же это? И куда? — опешила девочка.

— Поменяться местами. — Медсестра пристально взглянула на нее.

— Не понимаю. — Дженна тряхнула головой, сбрасывая наваждение.

— Представь, если бы ты могла поменяться местами, скажем, с некой королевой...

Девочка вспомнила свою королеву-воительницу, но все же недоверчиво фыркнула.

— Ты готова поверить в то, что я ведьма, но не в то, что когда-то я поменялась местами с девочкой Беловой? — с усмешкой уточнила женщина.

— Я не верю! — воскликнула Дженна. — Простите меня, но я все-таки не верю, что вы ведьма. Вы же не наколдуете и простого заклинания, даже самого малюсенького колдовства! Так и чем же вы докажете свои слова?

Девочка снова вернулась к реальности. И в этой реальности ее секретное имя было известно врагу. А значит, ее предал единственный друг!

— Я ничем не буду доказывать свои слова, — ответила женщина. — Тем не менее я задам тебе тот самый вопрос, ради которого мы проделали наше неприятное путешествие. Скоро ты станешь девушкой, твое тело уже меняется. Время не ждет. Я обязана задать вопрос. Очень важный вопрос.

Девочка затаила дыхание, не зная, плакать ей, смеяться, а может, полезть в драку или снова попытаться убежать? Но вместо этого она прошептала:

— Я слушаю вас...

— Ответь же, урожденная Василиса Герман, — начала ведьма, — ты, которая, вопреки имени, данному родителями, называешь себя Дженной, — ее голос становился все громче, — готова ли ты отбросить эту слабую оболочку и обрести иное тело — тело, наполненное силой?

Девочка вздрогнула. Ах, если бы все это было правдой!

— Ты, — продолжила ведьма, — готова раз и навсегда покинуть этот мир, чтобы познать бесконечное множество других миров? Ты, — громогласно вопрошала ведьма, — готова оставить своих родителей, свой город, своих знакомых — и, быть может, обрести семью, дом, друзей?..

— Да как же так? — шептала девочка, смахивая слезы со щек. — Это невозможно... Неправда все, неправда...

— Только одно твое слово, — закончила женщина.

Ее бледно-голубые глаза и звенящий голос проникали в самые тайные закоулки души.

На мгновение Дженна увидела глаза не медсестры, а той, что когда-то заняла ее место. Эти глаза светились ярче самых мощных ламп, а распущенные волосы развевались в порывах волшебного ветра слов-

но алые крылья! Это была уже не медсестра, не женщина, да и не человек вообще.

И девочка поверила. Поверила, потому что не поверить было невозможно. Невозможно было даже подумать иначе, задуматься на миг: как, зачем и кто? Ее словно окутало нечто, парализующее волю.

— Да, — не слыша себя, ответила девочка. — Да... Я согласна... Согласна!

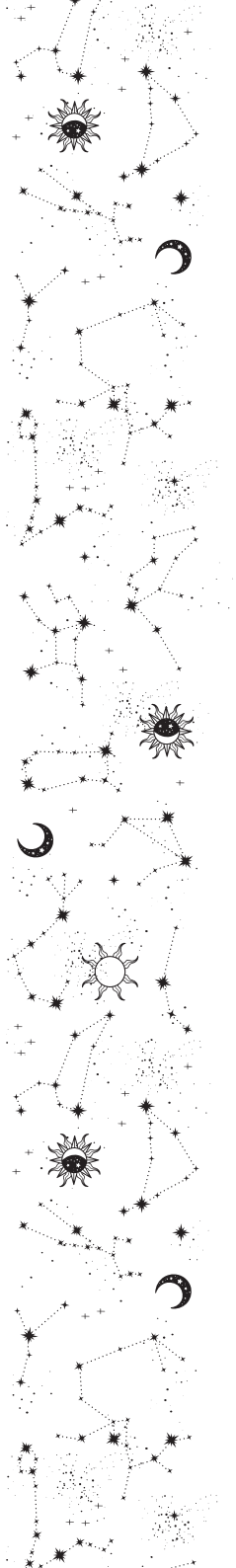

4. ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЕВА

Дженна не помнила, как она вновь оказалась на жилых этажах ин-терната. Сияние, привидевшееся ей, бесследно рассеялось. Мир снова стал ясным и четким, а прическа медсестры — аккуратной и строгой.

Что произошло там, наверху? Почему из глаз Беловой лился свет? Откуда в помещении взялся ветер? Ерунда какая-то, не могло этого быть. «Ведьма» и сама сказала, что в «их — не их» мире нет силы даже для простых заклинаний. А еще она заявила, будто это Дженна чего-то там не знает о реальности — не видит истинной картины мира. Ну уж нет! Все ясно: ее просто отравили за обедом, токсин начал действовать не сразу и быстро отпустил.

Подойдя к охранникам, медсестра что-то им сказала, и те проводили Дженну в ее комнату.

— В столовую не ходи, ужин тебе принесут, — предупредил один из них, прежде чем уйти.

Девочка дрожала от возбуждения. Конечно же, они все заинтересованы в ее переходе в другой мир! Вся клиника... да нет, весь город, вся планета только и ждут этого часа. Вместе с ужином медики наверняка принесут в палату старинные свечи, зеркала... Что там еще требуется для ритуала?

Ах, как же она наивна! Как быстро она согласилась с «ведьмой» — созналась в своей глупости и бесполезности! И теперь на ужин она получит укольчик смерти. Не будет никакого перехода, смешивания или еще чего-нибудь в этом роде.

Дженна выждала некоторое время, затем подошла к двери и проверила замок. Закрыто — разумеется! И с чего бы им ее запирасть, раз она уже на все согласилась?

Девочка забралась на кушетку и задумалась.

Этой истории был уже не один год. Возможно, такие, как Белова, наблюдали за ней и до клиники. За ней или же за библиотекой. Может быть, они и сохранили то место от уничтожения? Или это была ловушка для особенных детей?

Подошло время ужина. Дженне принесли жидкий зеленый суп и белую воду с приторным запахом цветов. Хотя есть хотелось нестерпимо, девочка аккуратно вылила ужин под матрас. Спать она легла пораньше, не снимая одежды. Так и пролежала, закутавшись с головой в одеяло, без движения, настороженно прислушиваясь.

А затем дверь тихо открылась. Одним глазом девочка «спала», а другим подсматривала. В проеме в тусклом свете коридора возникла высокая плечистая фигура.

Мужчина приблизился. Это был Друговский! Неужели благородный рыцарь пришел спасти ее? Или?..

Он потерял Дженну за плечо. Девочка обмякла, сделав вид, будто крепко спит. Тогда мужчина достал из кармана шприц.

И тут вся картина сложилась воедино, Дженна все поняла! А поняв, ощутила в себе невероятную силу и злость. Такой злости она не чувствовала уже несколько лет — с тех самых пор, когда родители отняли у нее сказки...

Больше она этого не допустит! Она не отдаст жизнь в руки взрослых, отупевших от своих бесконечных медикаментов и порошков со вкусами правильной еды, хорошей работы и допустимых ценностей! Мусор! Никчемный биологический материал, лишенный естественных желаний, — это они! Но не Дженна. Дженна хочет жить, она сильная, умная и быстрая.

Девочка распахнула одеяло, швырнув его в лицо охраннику, спрыгнула на пол и вылетела в коридор. Друговский не крикнул, не вызвал подмогу, не попытался как-то вразумить ее словами. Он молча бросился в погоню.

Они бежали по тускло освещенным коридорам. Приближалась полночь, и пациенты давно разошлись по палатам. Друговский не отличался проворностью, однако расстояние между ним и девочкой сокраща-

лось. Глухой стук его ботинок становился все отчетливей.

Дженна выбирала маршрут, где наверняка не было дежурных, быстро преодолевая поворот за поворотом. За несколько лет она выучила каждый закоулок здания. Она знала, куда надо бежать.

Спортивный зал был открыт. Дженна ворвалась в помещение. Охранник догнал ее уже через мгновение.

— Зачем тебе это, Друговский? — крикнула девочка, пятясь назад.

— Таков порядок, — коротко ответил мужчина.

— Ты предал меня! — выдохнула Дженна.

Друговский пожал плечами. Он не был силен по части устаревших выражений. Охранник хлопнул по кнопке на стене, и в спортивном зале, щелкая, стали зажигаться лампы.

— Только один укол, — произнес мужчина. — Это не больно. Так будет лучше.

В его голубых глазах не отражалось ни страха, ни сожаления, словно убивать детей было для него привычным занятием.

— О нет, не об этом мы договаривались с Беловой! — Дженна стиснула зубы.

В ее груди kloкотал гнев, а весь страх будто бы испарился. Она злилась на Друговского, на Белову, на весь мир, но больше всего — на саму себя. Глупая, какая же она глупая! И почему она позволила рыцарю убить черного единорога? Черный единорог должен был выжить, а рыцарь — умереть!

Мужчина подбежал к ней, но Дженна отпрыгнула назад. Не медля ни секунды, она развернулась и выхватила со стойки оружия спортивную саблю. Отточенным движением девочка сделала глубокий выпад и, полоснув охранника клинком, быстро отскочила назад.

Друговский охнул, закрыв лицо руками. Но уже через мгновение снова бросился вперед. Дженна зарычала и принялась рубить саблей с такой силой, как будто перед ней был уже не человек, а манекен.

Мужчина мычал от боли. Из его рассеченных рук текла кровь. Однако он продолжал наступать, а Дженна — убегала и нападала. Снова и снова. Слово заведенная, она прыгала вперед и назад, размахивая саблей.

При соприкосновении с врагом тупое лезвие гнулось и пружинило. И девочка с ужасающей отчетливостью поняла, что серьезных ран ее легкое оружие нанести не способно. Нужно было придумать что-то еще!

После очередной атаки мужчина замешкался, позволив пациентке разорвать дистанцию между ними. Воспользовавшись лишними секундами, девочка отбежала в противоположный угол зала — туда, где застыли старые громоздкие тренажеры. Она размахнулась и изо всех сил ударила клинком по металлической стойке. Звон раздался такой, что уши заложило. Где-то вдалеке обиженно звякнул об пол отломанный кусок лезвия.

И в этот момент Друговский настиг Дженну. Он собирался сбить с ног непослушного ребенка, пова-

лить ее на пол и оглушить. Но девочка, казалось, сама ожидала его. В последний момент она обернулась, и мужчина заметил улыбку на ее губах.

Не успев остановиться, охранник навалился на Дженну всей своей массой и внезапно ощутил внутри себя неестественный холод и что-то горячее, растекающееся по животу. Его руки опустились, колени ослабли, а из груди вырвался сдавленный хрип.

Удивленными глазами Друговский уставился на блекнувший образ пациентки. Маленькая девочка держала в руке острый обломок спортивной сабли, который еще секунду назад был вонзен в его тело по самую рукоять.

С холодной яростью Дженна наблюдала, как ее друг — ее *бывший* друг — на подкосившихся ногах осел на пол, как на его чистой белой форме растет и ширится темно-красная клякса.

— Рыцарь убит, — торжественно произнесла Дженна. — Черный единорог будет жить!

Мужчина рухнул к ее ногам. Он больше не двигался и не дышал. Из-под воротника рубашки выпал медальон на цепочке — монетка с круглым отверстием по центру...

В тот же миг в глазах девочки торжество сменилось безразличием. Затем на лице появилось недомение, словно бы она была уже другим человеком. Мельком взглянув на обломок сабли в своей окровавленной руке, она рассеянно выронила оружие. Будто оно, как и рука, не принадлежало ей, было чужим.

Раздался шум распахнувшихся дверей. Девочка обернулась.

— Дженна? — строго спросила старшая медсестра, приближаясь. — Вот-вот полночь! Что здесь... — Увиденная картина заставила ее запнуться. — Что ты...

— Дженна? — повторила девочка. — Кто такая Дженна? Мне казалось, меня зовут Джива...

— ...Слава Единому! — ахнула Белова, упав на колени и низко склонив голову. — Да здравствует Ваше Величество Джива!

— Дженна — та самая твоя пациентка? — с интересом оглядела себя девочка.

— Урожденная Василиса, — кивнула Белова.

— «Василиса» — «царица» или «королева», — прищутив глаза, усмехнулась девочка. — Пожалуй, это имя мне подходит... Ну, здравствуй, Белая.

— Моя королева, — снова поклонилась медсестра. — Пациентка была так глупа, что я уже потеряла надежду. Однако у вас получилось... Но... — Ее взгляд указал на поверженного «рыцаря». — Что произошло? Он помешал вашему появлению?

— Похоже, он собирался помешать ее уходу, — покачала головой девочка. — Представь себе, *это* сделала... как она там называет себя — Дженна? Погляди, наш Враг нашел вас, — холодно пояснила она, указав на амулет на груди мертвеца. — Твоя невнимательность едва не стоила нам всего эксперимента!

Та, кого она назвала Белой, виновато кивнула:

— Прошу прощения, Ваше Величество.

— Василиса, — строго поправила девочка.

— Я и подумать не могла, что Враг сумеет пробраться в этот мир... — пролепетала медсестра. — Но как ему удалось?

— Они шли той же дорогой, что и мы, — *изнутри*, — ответила девочка. — По-видимому, у этого юноши тоже были мечты, которые можно забрать...

— Однако плакса Дженна все же неплохо подготовилась. — Белая присела рядом с телом и, с усилием перевернув его на спину, осмотрела рану. — Распоро-та брюшная аорта... Не зря она читала учебники по анатомии.

— Оставь свои измышления на потом, вот-вот полночь, — напомнила Джива-Василиса повелитель-ным тоном взрослой женщины. — Довольно раз-говоров. Пока еще не оборвалась связующая нить между этим телом и душой Дженны, отведи меня... *к ним!*

— Следуйте за мной, Ваше... Василиса, — поклонилась Белова.

Минуя жилые и учебные этажи, они поднялись в отделение клиники и вошли в одну из палат интен-сивной терапии. Здесь было темно и тихо: ни дежур-ных, ни медсестер. Пациенты не нуждались в уходе. Они спали. Спали необычным сном уже долгие и дол-гие годы.

Проследовав вдоль ширм, девочка и медсестра остановились у трех постелей в самом конце палаты. Лежащие на них женщины выглядели старыми, од-нако их волосы сохранили удивительно яркие цвета:

искристо-белый, как снег; рыжий, точно огонь; и черный, словно ночь.

Василиса приблизилась к черноволосой.

— Я слышу твое новое имя... Май, — прошептала она, с материнской нежностью прикоснувшись к морщинистой руке. — Вот и я, моя милая. Я проделала долгий путь, чтобы освободить всех вас от оков этой сферы...

— Но хватит ли на это сил *человечьей* душе, что рождена в умирающем мире? — тихо встала Белова.

— Да, в этой сфере осталось мало жизненной силы, — проговорила Василиса, не оборачиваясь. — Но тем удивительнее *сила мечты*... Я верю, Дженна ищет верный путь. А дочери последуют за ней и за отголоском моей магии.

Ее голос был сух, но щеки покраснелись, а в глазах блеснули слезы.

— Ох уж эта крикса Дженна, она плачет при любом удобном случае, — заметила Белова. — Даже вы, моя королева, поддались ее настроением.

— Мне еще нужно привыкнуть к этому телу...

— ...Привыкнет ли она к вашему?

— Это не важно, — резко ответила Василиса. — Дженна будет той, кем себя считает.

— А как же *Враг*? — напомнила медсестра.

— Враг — необходимое условие для развития героя.

— Вы обменялись с ней не только телами, но и сферами магии. Великая жертва. Вы возложили такие надежды на простого человека...

Гневный взгляд девочки пресек Белову на полуслове. Не проронив более ни звука, медсестра положила на столик три шприца. Наполненные смертельным препаратом, они перешли в руки Василисы.

Помощница поспешно вышла в коридор. Через несколько мгновений Василиса присоединилась к ней.

— Все кончено? — взволнованно спросила Белова.

— Все только начинается, — прошептала Василиса.

